

The image is a book cover featuring a man and a woman in a forest setting. The man is in the foreground, shirtless, with wet hair and a beard, looking intensely at the viewer. The woman is behind him, looking away. The background is a dark, rainy forest. The title 'БРАЧНЫЙ ПРИГОВОР' is at the bottom, and the author's name 'ЕЛЕНА КНЯЗЬ' is on the right side.

ЕЛЕНА КНЯЗЬ

БРАЧНЫЙ ПРИГОВОР

Велена Князь

Брачный приговор

<https://litres.ru/74515274>

Аннотация

Что бы вы сделали ради спасения близкого человека?

Карина Соколова готова на всё. Даже выйти замуж за незнакомца на телешоу, где цель — довести супруга до развода и забрать двадцать пять миллионов рублей. Её мать умирает, и эти деньги — единственный шанс на операцию.

Её соперник — Вячеслав Колчанов. Загадочный и молчаливый, с прошлым, которое он тщательно скрывает. Он тоже играет на победу — от этого зависит жизнь его маленькой дочери.

Двадцать пять миллионов рублей. Один брак. Один развод.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1

✧ °.+. ♡ Карина ♡ +.°. ✧

Говорят, что то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Интересно, тот, кто это придумал, вообще видел, как медленно умирает родной человек? Смотрел, как лицо матери, которая когда-то могла одним взглядом заставить тебя замолчать и сесть делать уроки, превращается в восковую маску, под которой проступают кости?

Нет, это не делает сильнее. Это высасывает все силы до капли. Ты становишься слабым настолько, что начинаешь тихо, в самой глубине, ненавидя себя за это, желать, чтобы все поскорее закончилось. Чтобы она перестала мучиться. И после каждой такой мысли тебя выворачивает наизнанку от собственного бессилия и стыда.

— Ну давай, мамуль, ещё ложечку. Самая последняя, честное слово.

Я держу ложку с овсянкой — безвкусной размазнёй, которую здесь называют кашей — в паре сантиметров от её губ. Мама качает головой, и этот жест такой родной, что у меня внутри всё переворачивается. Когда я была мелкой, она могла часами сидеть со мной за столом, пока я не съедала всё до крошки. «Вон в Африке дети голодают, а ты нос воротишь». Теперь я сижу с ней и умоляю съесть хоть немножко.

— Мам, ну пожалуйста. Это буквально последняя ложка. Ты же можешь, я знаю. Просто открой ротик, и всё.

Она смотрит на ложку, и её взгляд то фокусируется, то снова уплывает куда-то к окну. Я задерживаю дыхание, когда она наконец размыкает губы. Смешно и горько — радоваться тому, что человек просто согласился проглотить жидкую кашу. Сухие губы осторожно смыкаются вокруг ложки, и я медленно вынимаю её.

— Умница, мам. Вот видишь, как легко.

Мама жуёт. Медленно, с видимым усилием, словно это не каша, а кусок резины. Но жуёт и глотает. Настоящий боец. Она всегда была бойцом, просто раньше это выглядело иначе.

Сегодня мне кажется, что Вселенная решила дать нам передышку. Мама поела уже два раза и даже нашла в себе силы выйти на улицу — медсестра выкатила её коляску во внутренний дворик, и они минут пятнадцать сидели на солнце. Я мысленно перекрестилась и поблагодарила всё, что только можно, за эти маленькие победы.

Три месяца в хосписе «Надежда» превратили её в тень. Семь килограммов потери веса, а она и раньше была не крупной — килограммов шестьдесят, не больше. Смотреть на это невозможно, но я смотрю. Потому что кто, если не я?

Врождённый порок сердца. Такая простая фраза для такой огромной беды. Его должны были вылечить ещё в детстве, но в те времена, когда денег не было даже на нормаль-

ную еду, не то что на операции — не вышло. И вот теперь болезнь добивает её. Трубки торчат из мамы как из куклы, тянутся к пищащим аппаратам, которые высвечивают цифры. Цифры, которые говорят без слов — тело сдаётся. А разум — ясный, светлый, целый, она всё понимает. Всё. И это самое страшное — быть запертой в собственном теле, которое не слушается, когда ты хочешь просто сказать дочери, что любишь её.

Я ставлю миску на тумбочку у двери, чтобы Таня, сиделка, потом забрала, и опускаюсь в кресло. Оно из дешёвого кожзаменителя, светло-зелёное, и в нём уже есть форма моей задницы — три месяца ежедневного сидения не проходят бесследно. Мама засыпает почти сразу, только голова глубже уходит в подушку.

Я слушаю её дыхание — тяжёлое, хриплое, каждый вдох даётся с трудом. Воздух со свистом входит и выходит, как в старом паровозе. И я снова ловлю себя на мысли: хорошо бы это прекратилось. Чтобы она просто закрыла глаза и больше не открывала. Чтобы боль отступила. И сразу же меня накрывает волной стыда... Какая же я после этого дочь? Должна же я верить, надеяться, внушать ей, что всё будет хорошо, а я просто сижу и жду конца. Потому что жизнь давно научила: надежда — это красиво, но бесполезно. Как зонтик во время урагана.

В дверь тихонько стучат, и в палату заглядывает Татьяна. Улыбается — своей обычной улыбкой, от которой в уголках

глаз собираются морщинки. Я люблю эти морщинки. Они говорят о том, что она действительно улыбается часто и искренне, а не просто из вежливости.

— Привет, Тань. Как дома дела?

— А, нормально, — она подходит к мониторам, берёт карту. — Мелкий мой опять на уши всех поставил, а Макс, как обычно, в стороне стоит и умиляется. Ну просто образцовый отец, блин. Ребёнок вообще перестал его бояться, слышит «вот отец придёт» — и хохочет, как ненормальный. Ну и что это за воспитание?

Я невольно улыбаюсь. Татьяна — единственный человек, который может рассказывать о домашних проблемах так, что они звучат как анекдот. И это спасает. Правда спасает, когда ты часами сидишь в палате рядом с умирающим человеком.

— Ой, Тань, да ладно тебе, твой Макс просто души не чает в сыне. Он же расплачется, если его пальцем тронет.

— Ну и пусть плачет, — она отмахивается, но я вижу, что ей приятно. — Мужчины, они все такие. Им лишь бы в добряков поиграть, а вся тяжёлая работа на женщине. Я вообще пришла маму твою проверить, — она откладывает карту и подходит к кровати. — Состояние стабильное. Не улучшается, но и не ухудшается. Для нас это хорошо, правда?

Я киваю. Она никогда не врёт и не приукрашивает.

— Ладно, я тогда пойду. Мне нужно остальных пациентов обойти, а потом вернусь к вам.

— Давай. Если что — сразу позвоню.

Я с трудом выбираюсь из кресла, поднимаю с пола рюкзак. Да, в тридцать два года я всё ещё хожу с рюкзаком, на котором нарисованы супергерои. Паучьи человечки, зелёные монстры в порванных штанах и вся эта пафосная красно-бело-синяя братия. Это единственное, что осталось от моей нормальной жизни, которая была до всего этого ада. Я чувствую себя голой без этого рюкзака, так что можете считать меня инфантильной душой — мне всё равно.

Телефон в кармане начинает вибрировать, когда я уже выхожу в коридор. Номер незнакомый. Какая-то часть меня, въевшаяся ещё с детства, когда мы постоянно прятались от коллекторов, шепчет: не бери трубку. Но потом я вспоминаю, что последний раз я кому-то была должна в пятом классе, когда Женька одолжила мне пятьдесят копеек на булочку. Вряд ли она решила напомнить о долге спустя двадцать лет, так что я нажимаю зелёную кнопку.

— Алло.

— Здравствуйте, Карина. Меня зовут Светлана, я директор по кастингу проекта «Брачный приговор». Вы подавали заявку на участие несколько месяцев назад. У вас есть пара минут, чтобы поговорить?

Я застываю посреди коридора. Нога висит в воздухе, и я, кажется, перестаю дышать. Медсёстры снуют мимо, кто-то толкает меня тележкой, но я ничего не замечаю.

— Карина? Вы здесь?

— Д-да, — выдавливаю я. — Извините, просто... я немно-

го в шоке.

Светлана смеётся, у неё приятный, тёплый смех, и это немного успокаивает.

— Понимаю, такое часто бывает. Так сейчас удобно говорить?

— Да! — у меня вырывается почти крик, но я тут же прикрываю рот рукой и перехожу на шёпот: — Да, конечно. Я слушаю.

— Вы знакомы с концепцией шоу, раз подали заявку, — в её голосе появляются деловые нотки. — Мы ищем пары для нового сезона. Максимальный срок участия — шесть недель, но поскольку мы не знаем, сколько времени понадобится одному из супругов, чтобы подать на развод, мы не можем гарантировать точные сроки. Поэтому нам нужны люди с гибким графиком. Это проблема?

— Нет, нисколько. Я фрилансер, могу работать удалённо.

— Отлично. Вас не смущает круглосуточная съёмка?

— Ни капли.

— Прекрасно. Мне очень понравилась ваша видеовизитка, и я хочу пригласить вас на финальный кастинг. Мы оплачиваем перелёт в Москву и проживание. Вы будете в одной квартире с другими девушками, кастинг займёт два дня. По результатам сообщим сразу, если пройдёте, получите график съёмок.

— Хорошо. Спасибо вам огромное.

— Пожалуйста. Жду вас.

Я опускаю руку с телефоном и понимаю, что всё ещё стою посреди коридора, а мимо меня, недовольно цокая языками, проходят санитарки. И мне плевать. Мне абсолютно всё равно.

Я обычный человек. Не бедствую, но и не купаюсь в деньгах. Зарабатываю фрилансом на жизнь и на съёмную квартиру, которую не стыдно показать людям. Но медицинские счета, консультации, лекарства — это совсем другая история. Это та яма, из которой я не знала, как выбраться.

А теперь — вот он. Шанс.

«Брачный приговор». Двадцать пять миллионов рублей призовых. Если я выиграю — мама получит операцию. Настоящую операцию, а не просто «поддерживающую терапию» до конца. Она сможет жить.

Я сжимаю телефон в руке и чувствую, как к горлу подступает комок.

— Ты сможешь, Карина, — шепчу я себе под нос. — Ты просто обязана.

✧ °.+. ♡ # ♡ +.+. ° ✧

— Оля!

Я влетаю в кофейню, где уже два года «работаю» — то есть сижу с ноутбуком, и тайно наслаждаюсь тем, что вокруг меня кипит чужая жизнь. Я вообще-то интроверт, даже близко к затворничеству, но иногда так хочется побыть среди людей,

чтобы никто к тебе не лез. В кофейне это работает идеально.

— Оля! Оля! Оля!

— Господи, Карина, ты чего орёшь? — подруга выглядит из-за кофемашины. — Я думала, у тебя там что-то случилось. С мамой всё нормально?

— Всё нормально, — я подлетаю к стойке и хватаю её за руку. — Ты не поверишь, что произошло!

Олька вытирает руки о фартук и смотрит на меня с подозрением. Зелёные глаза прищурены, пухлые губы сжаты. Она красивая — та самая красота, от которой мужики теряют дар речи и способность связно мыслить. Каштановые волосы до середины спины, фигура, которая и в мешке будет заметна, и эта её привычка облизывать губы, когда на неё смотрят. Сейчас на неё как раз смотрит очередной клиент с чашкой раф-карамельного-чего-то-там, но Оля даже не поворачивается в его сторону.

— Ну? — она выгибает бровь, и в голосе проскальзывает нетерпение. — Говори уже, пока у меня перерыв не кончился.

— Помнишь тот вечер, когда мы нажрались винищем и отправили мою заявку на шоу «Брачный приговор»?

— О господи, — Амалия отшатывается и внимательно глядится мне в лицо. — Ты серьёзно?

— Мне только что звонили! Я прошла предварительный отбор и меня приглашают на финальный кастинг!

Она смотрит на меня секунду, потом бросает тряпку на

стойку, вылетает из-за прилавка и хватает меня за плечи.

— Ты меня разыгрываешь?

— Нет. Час назад мне позвонила девушка и сообщила, что я прошла!

Олька делает глубокий вдох, и я знаю, что сейчас начнётся. Она никогда не умела сдерживать эмоции.

— Детка! — Её крик разлетается по всей кофейне, несколько мужчин поворачиваются в нашу сторону, но ей плевать. — Ты теперь сможешь сделать операцию маме!

— Я знаю!

— Ты бы могла уже давно попросить денег у отца, но мы же не ищем лёгких путей, да? — фыркает подруга. — Ладно, неважно. Когда ты уезжаешь?

Улыбка сползает с моего лица. Она знает, что я не возьму у отца ни копейки, даже если бы он предложил сам — а он не предлагал и не предложит. Я бы скорее сдохла, чем попросила у этого человека что-то для мамы. Он мог помочь двадцать лет назад, но не захотел. И катился бы он со всеми своими деньгами.

— Сегодня вечером. Кастинг займёт два дня, не больше.

— Ого, — Оля присвистывает. — И как ты думаешь, кто тебе достанется в мужья? Надеюсь, симпатичный. Тебе нужно, чтобы тебя как следует... ну ты поняла. Размяли, так сказать.

— Фу, Оля, — я морщусь и внутри всё переворачивается от одной мысли, что придется жить с незнакомцем. — Я даже

пока не знаю этого человека.

— Он будет твоим мужем, Карина, — Оляк наклоняется ближе, понижая голос до заговорщицкого шёпота. — Даже по твоим строгим меркам, это делает его законным кандидатом на место в твоей холодной постели!

Я не понимаю, почему мои принципы кажутся ей странными. Ну не сплю я с каждым встречным, есть у меня какие-то рамки. И что?

— Это игровое шоу, Оля. Мы должны бесить друг друга так, чтобы один подал на развод. Какая там романтика?

— Я про романтику вообще ни слова не говорила, — подруга ухмыляется и поднимает бровь. — Я про другое. Можно же иногда и от шоу отвлечься, расслабиться немного. Или ты забыла, как это делается?

— Боже, — я закрываю лицо руками, чувствуя, как щёки заливают краской. — Ты невыносима.

— Ага, — Оля довольно кивает. — Ладно, слушай. Раз уж ты решила идти на это шоу, то играй по-крупному, будь максимально невыносимой. Плюй ему в кофе, если он тебя достанет, зубную щётку в унитаз макай, слабительное в еду подсыпь. Ну или хотя бы ори на него постоянно, чтобы сбежал на второй день.

Я смотрю на неё с ужасом. Мне искренне жаль мужчину, который когда-нибудь свяжет с Олей свою жизнь.

— Есть разница между «бесить» и «быть отвратительной», — осторожно замечаю я, всё ещё не веря, что она пред-

лагает это всерьёз.

— Нет, — подруга качает головой так уверенно, будто защищает докторскую диссертацию. — В любви и на войне все средства хороши. А у вас, считай, война. Разводная война.

Я смеюсь, несмотря на всю абсурдность ситуации. Может, она и права, может, именно это мне и нужно — перестать быть хорошей девочкой, которая всем всё должна, и начать делать то, что хочется.

— Слушай, — я хватаю её за руку. — Присмотришь за мамой, пока меня не будет? У нас телефоны отберут, но если что — звони на шоу, скажешь, что экстренный случай.

— Конечно, ты чего. Ты уже ей сказала?

— Нет. Не хочу её зря обнадеживать, пока сама не уверена, что пройду.

Олька кивает и крепко обнимает меня.

— Ты пройдёшь, Карина. Я в тебя верю.

— Спасибо.

Я выхожу из кофейни и делаю глубокий вдох. Солнце светит прямо в глаза, и я щурюсь, подставляя лицо тёплому сентябрьскому ветру.

Это происходит. Я еду в Москву, я буду на телевидении, я выйду замуж.

Твою ж мать, я выхожу замуж.

Глава 2

✧ °.+. ♡ Вячеслав ♡ +.+. ✧

— Пап, ну почему я не могу остаться с тобой?

Как объяснить человеку, который смотрит на тебя так, будто ты собрал все звёзды на небе и подарил их ей, что ты на самом деле ничего из себя не представляешь? Что ты подвёл её, хотя она заслуживает всего самого лучшего на этом свете?

Для моей дочери я не могу сделать ничего. Даже сейчас, когда у меня разбита губа, а над бровью ещё не до конца затянулся шрам, она смотрит на меня с обожанием. Её голубые глаза, такие светлые, что кажутся почти прозрачными, смотрят на меня с мольбой. Она хмурит свои детские бровки, и на щеках проступает розовый румянец. Два пушистых хвостика торчат в разные стороны, и вся она такая маленькая, беззащитная — сердце разрывается. Хочется разорвать этот грёбанный мир, только бы увидеть её улыбку. А потом накалывает чувство вины, потому что я — причина её слёз. Я не смог дать ей нормальную жизнь.

— Прости, малышка, — провожу ладонью по её волосам, чувствуя, как пальцы дрожат. — Папе сейчас некуда тебя взять. Но я обещаю, скоро всё наладится и я заберу тебя.

— Нет, пап, сейчас, пожалуйста. — Она сжимает мою ру-

ку своими крошечными пальчиками. — Мне тут не нравится. Мама злая.

Последнюю фразу она произносит шёпотом, оглядываясь на дверь, будто боится, что та вот-вот откроется и монстр придёт за ней. Ярость закипает в груди, обжигая изнутри. Я уже несколько раз говорил с Алисой о том, как она обращается с дочерью. Похоже, мои слова для неё пустой звук.

— Не бойся, малыш. Я поговорю с мамой.

— Нет! — В её голосе появляется настоящий ужас. — Пап, пожалуйста, не говори маме, что я тебе это сказала. Она узнает, когда ты уйдёшь. Она всегда узнаёт.

Я сжимаю зубы так, что скулы сводит. Какая мать заставляет собственного ребёнка трястись от страха? Мать должна защищать, оберегать, быть самым надёжным человеком в мире. Алиса никогда не была такой. Даже когда мы только начинали встречаться, я уже тогда знал, что мы не будем вместе. Но она умела кружить голову. Эти её бёдра в обтягивающих платьях, томный взгляд из-под ресниц — я попался как мальчишка. И теперь моя дочь расплывается за мою глупость.

— Всё хорошо, малышка. Я ничего ей не скажу.

Она выдыхает, и всё её маленькое тело расслабляется, прижимается ко мне крепче, утыкается носом в мою грудь. Я глажу её по голове, чувствуя под пальцами шёлк мягких, практически невесомых, волос. В такие моменты я почти могу притвориться, что всё нормально. Словно я обычный

отец, который пришёл уложить дочку спать.

— Спасибо, папочка. — Она поднимает голову и целует меня в щёку. В её глазах снова появляется выражение будто я рыцарь на белом коне. Если бы она только знала.

— Ладно, ангел мой, мне пора.

Я сижу на её кровати — маленькой, фиолетовой, с балдахинном из фатина. Вокруг разбросаны подушки в виде единорогов, на тумбочке стоит лампа в виде пони с розовой гривой. Единственное, что я смог для неё сделать — обустроить эту комнату. Самую обычную девичью комнату, где всё розовое, блестящее и пахнет детством. Чтобы у неё было хоть что-то нормальное.

— Побудь ещё чуть-чуть, пожалуйста. — Она обхватывает меня руками и не отпускает. Она знает, что этот приём работает безотказно. Каждый раз, когда я пытаюсь уйти, она делает так, и у меня сердце превращается в кисель.

— Время вышло, малышка. Мне правда пора.

— Ладно. — Она шмыгает носом. — Только приезжай за мной поскорее. Обещаю, я никому в суде ничего не скажу.

Последний кусочек моего сердца, который ещё не превратился в камень, принадлежит этой девочке. Она — моя жизнь. И тот факт, что я не могу её защитить, убивает меня. Но так бывает, когда ты связался не с теми людьми. Один неверный шаг — и ты либо в тюрьме, либо должен таким людям, что лучше бы ты сидел. А я должен. И так много, что суд никогда не отдаст мне дочь. Даже если бы я был идеаль-

ным отцом — а до этого далеко, как до луны.

Я аккуратно размыкаю её руки, встаю. Это больно физически — отрывать её от себя. Стою, смотрю — слёзы текут по щекам моей малышки беззвучно, она даже не всхлипывает. Наверное, это и есть ад. Не огонь и сера, а этот момент, когда ты не можешь вытереть слёзы собственного ребёнка, потому что знаешь — они вернутся, как только ты закроешь дверь.

Я натягиваю на неё одеяло с единорогами, убираю прядь волос с лица. И даю себе слово: я её вытащу. К чёрту суды, к чёрту опеку, к чёрту всё. Я найду способ. Я спасу свою принцессу.

— Я люблю тебя.

— И я тебя, папа.

Я целую её в лоб, включаю ночник и выхожу, медленно притворяя за собой дверь. Рука задерживается на ручке на секунду дольше, чем нужно, но я заставляю себя отпустить.

В гостиной меня встречает запах дешёвых сигарет. Алиса сидит на диване, поджав под себя ноги, уставившись в телевизор. Смотрит какое-то шоу про то, как чужие люди скандалят на всю страну — оттуда доносится визг, смех за кадром, ведущий что-то пафосно вещает. Она даже не обернулась, поэтому мне пришлось встать перед ней, закрывая экран.

— Чего тебе? — Она затягивается, выпускает дым мне в лицо. Нагло так, с вызовом.

Я выхватываю сигарету у неё изо рта, не глядя, и бросаю в пепельницу.

— Ты что творишь? — Она моментально вскакивает на ноги и сверлит меня взглядом полным ненависти — Кто тебе вообще позволил? Ты здесь больше никто, понял? Никто!

— Я тебе говорил: не кури в доме. — Говорю тихо, но жестко. — Если Марьяша снова попадёт в больницу из-за твоих сигарет, я тебя лично придушу!

Алиса смотрит на меня секунду, две, а потом её лицо меняется. Страх, который я успел заметить в её глазах, тает, и губы расплываются в самодовольной ухмылке. Она откидывается на спинку дивана и вальяжно закидывает ногу на ногу. Знает, что я не могу ей ничего сделать и это очень сильно бесит.

— Не придушишь. — Алиса достаёт из пачки новую сигарету, не торопясь, с какой-то театральной медлительностью прикуривает. — Тебе нужна нянька для твоего маленького выродка. Ты должен Карену столько, что даже в туалет без спроса не ходишь. Так что не тебе мне указывать, я тебе нужна, понял? А ты мне — нет.

— Тебе нужны мои деньги, чтобы кормить себя и дочь, — спокойно говорю я. — Когда ты последний раз работала?

— А вот тут ты ошибаешься, милый. — Она подаётся вперёд, глаза сужаются. — Ты мне не нужен и эта девчонка вообще не нужна. Достаточно одного звонка, и я могу её продать...

Я не помню, как оказался рядом с ней. Просто вдруг её лицо — в сантиметре от моего, и я чувствую запах табака и

дешёвых духов. Она вжимается в спинку дивана, глаза расширяются от страха. Я смотрю на неё — наверное, моё лицо сейчас похоже на маску дьявола, потому что она даже дышать перестала.

— Никогда, — говорю я медленно, каждое слово вдавливаю в неё, — не угрожай моей дочери. Если с ней что-то случится, я тебя достану и убью. Клянусь.

Она моргает, открывает рот, закрывает. Я выпрямляюсь, смотрю на неё сверху вниз ещё несколько секунд, чтобы она точно поняла — это не пустые слова, а потом разворачиваюсь и ухожу, не оборачиваясь.

На улице тёплый вечер, но я всё равно делаю глубокий вдох, пытаюсь вытравить из лёгких дым её сигарет. Ярость всё ещё пульсирует в висках, времени совсем мало. Мои угрозы удержат Алису ровно до тех пор, пока она не поймёт, что мне нечем их подкрепить. Она не била Эмму — пока, но то, что она делает с её психикой, не лучше побоев. Каждый день, проведённый здесь, — это ещё одна трещина в душе моей дочери.

Достаю телефон. Пропущенный вызов с незнакомого номера, и голосовое сообщение. Странно. Никто из моих знакомых не оставляет голосовые. Я нажимаю прослушать и прислоняюсь плечом к стене подъезда, глядя на вечернее небо.

— Здравствуйте, это сообщение для Вячеслава Каолчанова. Меня зовут Светлана, я директор по кастингу проекта

«Брачный приговор». Вы подавали заявку несколько месяцев назад, и я хотела бы пригласить вас на финальный просмотр в Москву. Перезвоните мне по этому номеру, когда будет время. Спасибо.

Я опускаю руку с телефоном и просто стою, глядя в одну точку.

Это оно.

Приз — двадцать пять миллионов рублей. Я могу закрыть долг перед Кареном и останется ещё на хороший дом для меня и для Марьяны. Смогу заплатить Алисе, чтобы она отказалась от родительских прав и дам дочери нормальную жизнь — ту, которую она заслуживает.

Я перезваниваю, не отходя от подъезда.

✧ °.+. ♡ # ♡ +.+. ✧

Иду по дорожке к бассейну, держа спину прямой, лицо — без единой эмоции. Карен Катилян отдыхает в белом шезлонге, раскинувшись с видом человека, которому принадлежит весь этот мир — по крайней мере, его часть. Дети носятся вокруг, орут, прыгают в воду, кто-то из взрослых тоже в бассейне, кто-то сидит за барной стойкой. Родители расслаблены, никто не обращает внимания на здоровенных мужиков в строгих костюмах по периметру.

Для постороннего глаза — обычный день рождения в богатой семье, ничего особенного.

— Слава! — Карен поднимается, и на его лице расплывается широкая, почти дружеская улыбка. — Рад тебя видеть. Ты один?

Он оглядывается, будто дочь может появиться из-за моей спины. Улыбка не сходит с его лица. Я сажусь на край шезлонга напротив, не расслабляясь.

— Я по делу.

— Да ладно, сегодня же день рождения Тиграна. — Он кивает в сторону своего десятилетнего сына, который убегает от толпы детей с визгом, разбрызгивая воду. — У нас тут клоун, водяные бомбочки, потом будет шоу мыльных пузырей. Твоей дочурке бы понравилось.

Я не говорю, что никогда не привезу Марьяну сюда. Что никогда не подпущу её к этому дому и к этим людям. Просто качаю головой:

— В другой раз.

— Ну смотри. Хотя бы кусок торта ей передай.

Он снимает солнечные очки, и его взгляд становится другим. Деловым.

— Так что у тебя за разговор?

— У меня есть план. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Я отдам тебе всё, что должен, а потом уйду. Заберу дочь и начну новую жизнь.

Карен подаётся вперёд, и в его глазах загорается интерес. Он щурится, разглядывает меня, будто видит впервые.

— Насколько я помню, ты должен мне пять лямов. Как

собрался отдавать?

— Я прошёл отбор на шоу «Брачный приговор».

Он смотрит на меня секунду, а потом смеётся. Громко, от души, запрокинув голову. Несколько человек оборачиваются, но он только машет рукой — всё в порядке.

— О, я люблю это шоу! — Он хлопает себя по колену и вытирает выступившие слёзы. — С ума сойти, что люди только не придумывают. Спасибо Марии, что не заставляет меня участвовать в таком балагане.

— Не всем так везёт, как тебе с Марией.

Я говорю это ровным тоном, хотя на самом деле не считаю, что Карену повезло. Мария — тряпка. Она смотрит сквозь пальцы на его любовниц, на все его похождения и темные делишки. Мне нужна женщина с характером. Но сейчас не об этом.

— Приз — двадцать пять миллионов рублей. Когда выиграю — отдам тебе долг.

— Если выиграешь, — поправляет он.

— Я выиграю.

Он смотрит на меня, и в его глазах появляется интерес.

— Ты думаешь, что выиграешь. — Карен наклоняет голову, и его пальцы начинают выстукивать какой-то ритм по подлокотнику. — Но давай представим на секунду, что нет. Твоя рожа попадёт на миллион экранов по всей стране. Ты станешь маленькой знаменитостью, а мне такой помощник не нужен. Слишком много внимания.

— Я выиграю. — Голос жёсткий, непоколебимый.

Карен смотрит мне в глаза и молчит. Читает меня. Я знаю, что нельзя показывать слабость. Только не перед ним.

— Хорошо. — Он откидывается на спинку, улыбается. — Сегодня хороший день, и мне нравится твоя авантюра. Выиграешь — отдашь мне деньги, я отпускаю тебя. Слово даю: станешь для меня пустым местом. Проиграешь — я сам сделаю из тебя пустое место. Понял?

— Понял.

— Отлично. — Он снова надевает очки, но я вижу, как уголки его губ ползут вверх. — Ты мне нравишься, Слава. У тебя яйца есть, будет жаль терять такого человека.

Я киваю и встаю.

— Ты не останешься? — В его голосе слышится искреннее сожаление.

— Мне нужно подготовиться к отъезду.

— Ну как знаешь. — Он машет рукой в сторону дома. — И не забудь про торт для Марьяшки.

— Заберу.

Я разворачиваюсь и иду прочь. В спину мне летит детский визг и музыка и Карен уже не смотрит в мою сторону.

Это было проще, чем я думал.

Теперь начинается самое сложное.

Победа или смерть.

Глава 3

✧ °.+. ♡ Карина ♡ +.+. ° ✧

Говорят, за деньги счастье не купишь. Возможно. Но пересадку сердца матери — купишь запросто. Так что я не собираюсь у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.